

ности, искренности, готовности к самоотречению, ничем незаменимой потребности человека в близости с другим:

Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И *то* теперь я *счастьем* зову...²⁴

После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...
(Т. 1. С. 94)

Простить не можешь ты ее —
И *не любить ее не можешь!*..
(Т. 3. С. 129)

Тем самым проблема пошлости и рутины на интимном материале решается поэтом еще одним способом — не этико-сатирически и не социально-трагически, а именно субстанционально-философски:

Зачем же ты *в душе* неистребима,
Мечта любви, *не знающей конца?*..
(Т. 3. С. 130)

У Некрасова постепенно складывается представление, что логика жизненной рутины носит не только объективный характер некоей «правды жизни» («жить для себя возможно только в мире») — она выражается и в субъективной способности личности противопоставить этой «правде» в кавычках свое надлогическое стремление к многократно оспоренным, униженным и осмеянными «истине, добру и красоте».²⁵ Практически без исключения во всей некрасовской любовной лирике это выражается в постоянном, вопреки размолвкам и жизненной прозе, утверждении поэтом насущной потребности в идеале, понимании, прощении, сбережении чувства.²⁶ В этом же круге некрасовской рефлексии у поэта вырабатывается и весьма критическое отношение к этико-психологическому душевному строю личности самого лирического повествователя.²⁷

Но особенной остроты и силы отмеченная авторефлексия и самосуд поэта достигают в его раздумьях о природе собственного поэтического таланта (современного поэтического таланта вообще) и в его так называемой «покаянной» лирике.

Пожалуй, первый опыт подобной универсальной художественной авторефлексии в поэзии Некрасова мы находим уже в его «газетном фельетоне» «Новости» (1845). А начиная со стихотворений «Я за то глубоко презираю себя...», «Родина», «В неведомой глуши...» (все — 1846 года), любовной лирики конца 1840-х и поэтических деклараций начала 1850-х Некрасов все настойчивее вводит в свои авторефлексивные тексты сигналы их не только личностной, но зримой биографической маркированности.

²⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 74. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

²⁵ См., например: «Поэту (Памяти Шиллера)» (1874), «Еще скончался честный человек...» (1855), «Рыцарь на час» (1862), «Над чем мы смеемся...» (1874).

²⁶ Особенно сильно, может быть, это проявилось в стихотворении «Разбиты все привязанности...» (1867, 1874).

²⁷ См. такие его стихотворения, как «Если мучимый страстью мятежной...», «Еду ли ночью...», «Ты всегда хороша несравненно...» (1847), «Мы с тобой бестолковые люди...» (1851), «Тяжелый крест достался ей на долю...» (1855), «Во вражде неостывающей...», «Я посетил твое кладбище...» (1856).